

ГЕННАДИЙ РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН

ДУХОВНЫЙ РЕАЛИЗМ ИВАНА ПЕРЕВЕРЗИНА

Отечественная письменность есть неприкосновенная сокровищница предания. Ибо предание есть жизнь...

Протоиерей Георгий Флоровский

Фёдор Михайлович Достоевский мечтал о том, чтобы мир стал церковью, объединив всех людей в единомыслии и любви.

Лев Николаевич Толстой говорил, размышляя о доброй и справедливой жизни общества, что для того, чтобы всё общество людей стало духовно здоровым, нужно, чтобы каждый человек в отдельности был духовно здоров. И Лев Николаевич приводил такой образ: чтобы нагреть сосуд с водой, надо нагреть каждую каплю воды, и тогда весь сосуд будет горячим.

Столбовая дорога русской литературы заключается в отражении духовной борьбы добра и зла, в которой русскому народу-богоносцу противостоят все силы мирового зла.

Столпом и утверждением истины для русского человека на протяжении многих веков являлась Православная Церковь как единое мировоззрение. “Да единомыслием исповемы...”

Исследователи русской литературы неоднократно подчёркивали, что именно в Православии заключается главная особенность нашей литературы.

Попытки осмысления данного утверждения приводят к идее обоснования особого литературного направления, называемого “духовным реализмом”, главная задача которого – отразить “реальность присутствия Бога в мире”.

Подражание западной цивилизации, которая имеет тупиковый характер в своём внешнем развитии, и представителей её в России в области литературы, и особенно актуального искусства, рано или поздно приведут, а может быть, уже привели к разрушению государства и гибели многих плодов тысячелетнего труда русского народа.

Как важно сейчас объяснить российской молодёжи, которая во все времена жаждет своих кумиров (потому что в молодости это вполне естественно), что западничество – это духовное беспутье, приводящее человека к безбожии и зияющей бездне дьявольской пустоты...

Но объяснить не риторически, занудными сентенциями, а единственным способом – через создание в творчестве подлинных, живых литературных образов.

Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН — настоятель Михайло-Архангельского храма в г. Липецке, протоиерей, лауреат Всероссийской литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского.

Я уже писал о прозе Ивана Переверзина в статье “Мир как единое” с подзаголовком “Онтология Ивана Переверзина, основы творчества писателя”, где объединил одним названием четыре произведения, в том числе его повесть “Капитоновка”, которую я рассматривал в контексте мировой литературы, ставя её в один ряд с “Портретом художника в юности” Д. Джойса, “Тонио Крюгером” Т. Манна и “Жизнью Арсеньева” И. Бунина... Все они раскрывают тему формирования будущего писателя в его юные годы. И в этом послые заключается основа творчества всех названных писателей.

Повесть Ивана Переверзина “Росомаха”, которая стала предметом этой статьи, написана, как и “Капитоновка”, от лица мальчика, находящегося уже в переходном возрасте, в возрасте инициации, посвящения во взрослую жизнь. Юный Иван заканчивает восемь классов общеобразовательной школы, живя в посёлке на берегу сибирской реки Лены. Писатель без эмоциональных оценок, через суровые явления природы изображает быт и атмосферу жизни на самом краю необъятной России. *“Во время дядиною приезда мы, потеряв в весеннее наводнение дом, который был сначала огромными льдинами, грузно наползшими на берег, как мощным бульдозером сдвинут с бетонного фундамента, а потом, подхваченный большой, называемой в народе чёрной водой, и вообще унесён в сторону моря Лаптевых, вынуждены были переехать в такой же небольшой двухкомнатный, правда, стоящий на самом крутом берегу, а значит, недоступный никаким наводнениям брусовой дом, в качестве дополнительного утепления оштукатуренный не только внутри, но и снаружи”.*

Это скудное описание трагического события удивительным лаконичным народным языком являет собой образ трудной жизни в соседстве с суровой природой на Крайнем Севере нашей страны. Какое потрясающее видение народного сознанием разбушевавшейся природы: *“...огромными льдинами, грузно наползшими на берег... подхваченный большой, называемой в народе чёрной водой... унесён с сторону моря Лаптевых...”*

От народа же получали русские писатели и такой великий дар, как язык. *“Язык–народ, в нашем языке это синонимы, и какая в этом богатая и глубокая мысль!”* – писал Достоевский. Говоря о том, что в высших классах русского общества “уже перестают родиться с живым русским языком”, Достоевский заключает: *“Живой же язык явится у нас не раньше, как когда мы совсем соединимся с народом”.* Высмеивая моду “высших классов” воспитывать своих детей на французском языке, отрывать их от родного, русского языка, Достоевский говорит: *“На высшую жизнь, на глубину мысли заимствованного, чужого языка не достанет именно потому, что он нам всё-таки будет оставаться чужим; для этого нужен язык родной, с которым, так сказать, родятся”.* Достоевский даже усматривает счастье мыслящего человека в зависимости от того, насколько глубоко овладел он родным языком, *“чтобы организовать в нём всю глубину своей мысли и своих душевных запросов”.*

Писатель Иван Переверзин с непосредственной простотой черпает жемчужины из живой стихии народного языка, который так органично и непосредственно живёт в его русской, широкой натуре. Это состояние живости языка передаётся и героям его повести “Росомаха”.

Но есть, на мой взгляд, более важный момент в повести! Это создание образа главного героя – Ивана, цельность личности которого возникает из самой почвы народной жизни, питается соками этой почвы, вырастая в носителя не только живого народного языка, но в выразителя чаяний и устремлений народа в поиске нравственного идеала.

“Это восьмое лето долгожданных школьных каникул для меня началось почти так же, как все предыдущие, – со счастливого выхода на работу”.

Так начинается свою повесть “Росомаха” Иван Переверзин. Что же движет четырнадцатилетним подростком, который выход на работу во время школьных каникул называет “счастливым”? Я *“...ведь имел полное моральное право, подкреплённое хорошей учёбой, как мои друзья–одноклассники, целых три солнечных месяца отдыхать и готовиться, прежде всего, физически, к новым учебным занятиям. Но мне так не терпелось скорее приступить к любимому сельскому труду, что я ещё задолго до начала каникул, несмотря на протесты любимой мамы, передал с отцом, возглавляющим Июйское отделение совхоза “Ленский”, заявление о принятии меня временно на работу в качестве простого рабочего. На следующий день после окончания учебного года я встал пораньше, чуть ли не с первыми лучами восходящего золотисто-малинового*

солнца. Спешно, словно на пожар, даже привычно не окатившись во дворе холодной водой, надел рабочую одежду, ещё с вечера заботливо приготовленную любимой матерью. . . ”

Есть две причины, которые движут подростком. Эти причины, можно сказать, связаны не с мимолётной потребностью мальчика, движимого чувством или материальной выгодой (хотя тема заработка присутствует, но лишь с одной целью – помочь своей многодетной семье), и не влиянием родного отца на него, нет. Это непреодолимая внутренняя потребность работы, общения с живой природой, с работными людьми. Потребность эта заложена в самых глубинах его души и родовой памяти, пусть ещё не сформировавшейся личности, но естественно формируемой, влекущей его потребностью, питаемой теми корнями, которые уходят в почву стихии народной жизни. Так в природе развивается и растёт семья, попавшее в благодатную почву, каждое по своему роду.

“И всё-таки в совхозе из всех многочисленных работ мне больше нравилось заготавливать на отдалённых участках для совхозного скота на всю долгую-предолгую зиму сено. По этой причине с ещё большим нетерпением, чем какую-либо другую работу, ждал времени формирования сенокосных бригад и отправки их на те или иные угодья с богатым травостоем. Обычно это происходило в самом начале третьей декады солнечного июня, чтобы до непосредственной косыбы у работников звена было достаточно времени для ремонта заготовительной техники: конных и тракторных сенокосилок и граблей, волокуш, а прежде – обустройства жилья. . . Хоть мой отец возглавлял отделение, я никогда не просил его отправить меня конкретно в какую-нибудь сенокосную бригаду. В прошлое лето я работал на участке с звенским названием Какалыр, находившемся в пятидесяти километрах от посёлка. . . Однако на этот раз меня назначили в бригаду на один из самых дальних участков, тоже с звенским названием Джемпо. До него от посёлка было не менее восьмидесяти вёрст, двадцать из которых проходили вверх по течению величественной сибирской реки Лены со скалистыми берегами, по многочисленным расщелинам, поросшим лиственничным лесом, а остальные – сначала по лесовозной дороге, а потом – по проложенному, а вернее, прорубленному в вековой тайге ещё в далёкие царские времена просёлку”.

Встаёт перед глазами великая история нашего народа при освоении и заселении Сибири. Только трудолюбивый, сильный народ мог выживать в суровых условиях сибирской тайги и жестокой, но необыкновенно живучей, выносливой и красивой природы. Однажды увидев эту красоту, человек добровольно и навсегда согласился жить с ней.

“Знающие люди говорили, что там, в отличие от Какалыра, нет большого озера, в котором, кроме огромных, с лопату, карасей, водилась и другая рыба – сорога и тугунок, – нет большого озера, зато чуть в отдалении, этап в трёх-четырёх километрах, небольших утиных водоёмов с твёрдым дном было великое множество. А на находившуюся перед ними обширную, открытую со всех сторон поляну с чёрным песком, на взгляд напоминающим печную золу, почему-то вот уже много веков не зарастающую даже травой пыреем или колючками, способной выживать в страшной знойной пустыне, по осени глубокой ночью садились стаи гусей и лебедей. Протекавшая рядом стремительная горная речка с холодной до зубной ломоты и прозрачной, как слеза ребёнка, водой, богатая хариусом, делала эту поляну особенно привлекательной: птицы не только отдыхали после длительного перелёта на тёплый юг, но ещё и в полной мере подкрепляли силы рыбой и другой живностью в виде тех же многочисленных небольших ящериц, постоянно снующих в поисках пищи по чёрному песку”.

Это созерцательное отношение к красоте природы, в творении которой просматривается величие Творца, её первозданность и целомудрие заставляют русского человека через опыт жизни относиться к ней с бережным состраданием. А сама суровая жизнь, особенно в зимние периоды, когда температура понижается до шестидесяти градусов, учит человека собиранию и сохранению жизни.

Вторая причина, заставляющая подростка Ивана идти на работу в летние месяцы, менее значительная, но тоже заложённая христианской жизнью его предков.

“И с решительностью, в которой чувствовалось горячее юношеское нетерпение, протянул в развёрнутом виде заведующему конюшней казённую

бумагу-наряд. Геннадий Николаевич, как бы давая мне время слегка поостыть, медленно, чуть ли не по слогу прочитал его несколько раз, не спеша аккуратно свернул пополам и, положив глубже в нагрудный карман, с глубоким, почти отцовским интересом спросил:

— И что это тебе, Ванёк, друг ты мой хороший, после школы никак не отдыхается?.. Сам напрапалую лезешь в суровый рабочий хомут, как будто там густо мёдом намазано?!

— Да я уже, как вы выразились, к этому хомуту-то за восемь лет привык! Знаете, Геннадий Николаевич, так сильно привык, что не могу дожидаться, когда прозвонит последний звонок. Потом, сами понимаете, многодетной семье непременно помочь надо. Мать после последних тяжёлых родов часто болеет, отчего в своей любимой теплице почти не работает... А какая у моего отца, хоть и управляющего, зарплата? Сто сорок рублей! Курам на смех! Такими “деньжищами” семь голодных ртов не прокормишь! А я, глядишь, за лето, какое оно у нас ни короткое, рублей эдак триста подзаработаю. Какая-никакая, а всё большой семье своевременная помощь! По крайней мере, нам с младшим братом Николаем и старшим сёстрам Тамаре и Наталье на то, чтобы собраться в школу не хуже других ребятешек, с лихвой хватит”.

И здесь разговор принимает совсем другой оборот. Видя серьёзность намерений нашего героя и его внимательный заботливый взгляд, направленный к заведующему конюшней, который “неожиданно скривил лицо, наклонился и в нескольких местах потёр ноги”, Геннадий Николаевич говорит с Иваном как с ровней:

— “Дело в том, что, работая помощником конюха, он объездил молодого жеребца-трёхлетку и привязался к нему всей душой, как к родному, даже упрямил хмурого одноногого конюха дать ему ласковую кличку Мильий. Но высокое начальство из районного военкомата строгим, подлежащим безоговорочному исполнению постановлением приказало забрать любимца с ещё несколькими колхозными лошадьми на фронт, который неумолимо к тому времени приближался к самой столице — Москве. Но не тут-было! Геннадий, скорее всего, по недопониманию из-за слишком юного возраста и ослепления горем внезапной разлуки с верным другом, ночью угнал своего любимца из конюшни и спрятал подальше от глаз людских, в глухом, почти непроходимом вековом лесу. Тем не менее, уже через несколько дней его отчаянный поступок был раскрыт опытным в розыском деле участковым милиционером по горячим следам, и лошадь первым же колёсным пароходом отправилась на фронт, а он, по решению сурового суда, — на далёкую Колыму в качестве заключённого.

— Ты, наверное, слышал от кого-нибудь из поселчан, что я самый что ни на есть настоящий бывший заключённый? По всей строгости военного времени, как миленький, десятку на Колыме в лагере оттянул, естественно, под железным конвоем. Он хотя и был большой, но среди огромных полутундровых каменистых просторов, почти лишённых настоящего леса, словно иголка в лесу, затерялся... Иной раз, особенно в зимнее время, когда устанавливался сорокаградусный мороз и снежные ветры, как по команде начальника зоны, вдвое, если не втрое, усилившиеся к ночи, выли, как полчища голодных волков, казалось, что лагеря вместе с сотнями человеческих жизней, пусть и осуждённых по законам военного времени, и вовсе не было на белом свете. Жуть — да и только! Условия, в которых жили и трудились заключённые, были настолько невыносимыми, что из-за них да полученных на каторжной работе тяжёлых заболеваний смерть людей косяками, как траву литовка, косила. Наконец, мы с другом, старше меня на три года, доведённые до отчаяния, хотя и полуголодные, оттого физически слабые, всё же нашли в себе мужество бежать... Специально дождались второй половины лета — времени созревания всевозможных таёжных дикоросов — я говорю о ягодах, грибах — это было крайне важно для поддержки хоть каких-то сил, поскольку на “материк” можно было выбраться только сушей, преодолев после лесотундры настоящую вековую тайгу, простиравшуюся до первой железнодорожной станции на полторы тысячи километров. В общем, сбежать-то нам удалось, только далеко от лагеря уйти не получилось по причине того, что мой старший товарищ, перепрыгивая через ручей, подвернул ногу. Вскоре мы были схвачены пущенными в погоню за нами охранниками, вооружёнными автоматами. За всю жизнь людей злей и подлей, чем они, я не встречал. Посуди сам: эти негодяи

на моего друга сразу же спустили остервенело лаявших и рвавшихся с поводков немецких овчарок, которые на моих глазах, к моему ужасу, буквально в клочья растерзали его. Меня же охранники так безоглядно и сильно были прикладами автоматов, что в нескольких местах сломали ноги, приговаривая: “Будешь век помнить, сучий сын, как от нас бегать! Следующий раз, так и знай, просто пристрелим, как собаку! Глядишь, и другим nepовадно будет с тебя пример брать, мразь ты этакая!” Но, несмотря на свою крайнюю жестокость, видать, для отчёта, меня всё-таки на самодельных носилках доставили в лагерную больницу, где я за пару месяцев кое-как и оклемался. Вот теперь, как только ваша северная погода ещё только где-то в глубинных небесах начинает меняться к дождю, а зимой — к морозам, у меня в местах переломов ноги и побаливают, да нудно так!”

В своё время Виссарион Григорьевич Белинский воскликнул: “Социальность или смерть!” В этих словах великого литературного критика, по существу, весь смысл русской литературы! А проблема истинных социально-культурных ценностей в русской литературе — очень глубокая и актуальная. Ещё Достоевский говорил о Некрасове “как поэте и как гражданине”: “Народ был настоящею внутреннею потребностью его не для одних стихов”. Можно сказать, что в русской литературе, начиная со времён Пушкина, всегда наряду с литературой подлинной, органично связанной с духом народа, с нравственными запросами общества, существовала имитация литературы, державшаяся на популярности “просвещённой” публики, которую великий русский поэт называл “чернью”.

Но только для человека большой души народ может быть “настоящей внутренней потребностью” — “не для одних стихов”. Иван Переверзин идёт именно этой столбовой дорогой русской литературы, ибо он понимает всю глубину выстраданного нашим народом, накал народных проблем, реальность современной народной жизни; всё это требует от писателя своего уровня понимания, и не только понимания, но и участия всех сил ума, сердца и души. Это и пронизывающая жизненность судьбы Геннадия Николаевича, не обозлившегося, не потерявшегося в жизни, а продолжающего приносить людям и государству пользу.

Это и честность писателя, которому не до словесного самоупования, когда сердца касается народное несчастье, — не это ли делает слово Ивана Переверзина нужным людям? Движение сроднённости у писателя к людям из народа обнажает самую природу народного самопознания.

“Когда Геннадий Николаевич вспомнил о перенесённых лишениях, — пишет Иван Переверзин, излагая мысли Ивана, — я всей душой проникся к нему жалостью, хотя понимал, что как раз она-то ему, человеку с железной волей, менее всего надобна. Что-либо говорить я не мог, словно напрочь потерял дар речи, и только прерывисто вздыхал, готовый в любой момент разрыдаться, как ребёнок...”

Видя сострадание и живое участие не по годам развитого подростка, заведующий конюшней “вдруг резко предложил, как шапку от души наземь бросил: — Эх, Ванёк, а мне ведь и в самом деле для тебя ничего не жалко — бери-ка моего серого жеребца по кличке Гром, а то он последнее время что-то, вижу, без доброй работы заскучал больше меры...”

А мы знаем, как растаётся управляющий конюшней со своими любимыми жеребцами! Но перед ним стоял подросток, которому можно передать не только любимую лошадь, но и общенародное дело.

“Не говоря ни слова, я вошёл в стойло, на всякий случай не без опаски отвязал поводья и под уздцы вывел лошадь на просторный, сплошь покрытый навозом двор. Накинул на спину лошади кавалерийское кожаное седло с войлочным потником, затянув потуже подпругные ремни, подогнал под свои ноги стремена и, наскоро попрощавшись с Геннадием Николаевичем, молодецкато вскочил на Грома...”

Иван Переверзин описывает быт, который уходит в прошлое из нашей жизни, уходит из памяти. А между тем, сотни лет русский народ выстраивал этот разумный, наполненный смыслами, часто символически выражавший и духовную сторону жизни быт. Да и народ сам в современной жизни как будто не существует! А между тем, города — лишь корабли в необъятном пространстве русских селений, в которых живут забытые люди...

И далее писатель приводит сцену первого шага на пути к инициации, посвящения во взрослую жизнь подростка через испытания.

Бригадир уже на барже, переправляющей бригады, животных и технику на место будущей работы, спрашивает Ивана:

— ... лошадь, как я вижу, тебе приглянулась. Не зря же ты, едва отчалили, уже успел к её морде мешочек с овсом подвязать, который она с удовольствием поедает, — наверно, и сам слышишь, какое хрумканье на всю баржу стоит! Только в таком случае тебе придётся одному от Турукты до самого Жемпо, это больше шестидесяти вёрст, и все как одна через глухую тайгу, да ещё в ночь, перегоняя Грома. Не убоишься?

Вопрос застал меня врасплох. В башке мгновенно вспыхнула страшная картина глухого, ушедшего в непроглядную темень, полного хищных зверей леса. Я невольно поёжился. Но всё же нашёл в душе силы, чтобы как можно увереннее ответить:

— Не убоюсь! Да и не один я буду, а со своим верным Мухтаром”.

Мальчишка пугали местные собаки, живущие во дворах Турукты. Чтоб не злить их, он ехал шагом. Миновал последний дом, “почерневшее от времени здание”, пустил лошадь крупной рысью. Первые двадцать километров прошли в охотку, а потом стало смеркаться, подкрадывалась ночная сырость и прохлады, и за каждым кустом мерещились дикие звери.

“Несмотря на сгустившиеся до почти непроглядной темноты сумерки, я смело вброд, на перекате преодолел речку и выехал на заросшую травой и кустами, старую-престарую, ещё помнящую звенских оленеводов таёжную дорогу, постоянно переживая, как бы лошадь ненароком не оступилась. С темнотой, неотвратимо, как вражеские полчища, подступившие со всех сторон, потянуло холодом и сыростью. Я всё чаще и чаще слезал с заметно уставшей лошади, чтобы, держась за стремя, быстрой ходьбой хоть немного согреться. На ходу то и дело наткался на колючие ветки кустов, казавшиеся лишь смутными пятнами на лике земли. Они с силой хлестали меня по рукам и плечам, в кровь царапали лицо. Мухтар то ли от страха, помимо его воли в темноте, словно в жуткой неизвестности, настигавшей его, то ли от чувства сопричастности с человеком, то подбегал ко мне, то убегал вперёд... Каждый впереди растущий, не видимый, а, скорее, угадываемый куст непременно казался вставшим на дыбы медведем. К безлунной и почти беззвёздной ночи нудно зудящих комаров стало меньше. Зато въедливая, как вши, мошкара кишацими тучами набрасывалась на мои открытые руки, жадно впивалась в лицо, нагло лезла в глаза... Десятичасовая дорога от Какальра до Жемпо мне показалась земным адом. И всё же я ни разу не пожалел, что в ночь и в одиночку отправился в таёжный путь, поскольку в конце пути меня ожидала любимая работа и встреча со старшим товарищем, Георгием Балаевым...”

Высокие свойства народного характера всегда являлись опорой в мучительных жизненных исканиях великих русских писателей. Как никакая другая литература в мире, русская литература XIX и XX веков отличалась нравственной чуткостью, праводискательством, Богоискательством, и это её качество объяснялось, прежде всего, близостью к народу. Как к высшему авторитету в нравственных вопросах великие русские писатели прибегали к народным представлениям о добре и зле, и это объединяло их творчество! Мы помним из полемики славянофилов и западников, как остра была проблема “интеллигенции и народа”, ставшая в этой острой полемике стержневой в раздумьях писателей, и судьба России решалась с глубоким сочувствием к народным идеалам.

В творчестве Ивана Переверзина вновь возникает пристальный взгляд сквозь смутное наше время на почти забытые и утраченные в литературе народные идеалы и характеры.

Форма литературно-критической статьи не позволяет мне выписывать пространные цитаты из текста “Росомахи”. Я уже злоупотребил длинными цитатами чудесного русского языка повести. Читатель сам, открыв книгу, насладится настоящей русской прозой, созидательной, полной высоких смыслов и важной для современного, бегущего в небытие века.

Георгий приглашает Ивана на далёкое озеро в захватывающее и трудное путешествие. Но работа отложена на три дня из-за дождей. Бригада будет пить эти три дня. Ибо русскому человеку без работы и веры в Бога жить нельзя. Праздность приводит к порокам. А порок на Руси один — пьянство.

Мудрый, опытный и молчаливый Георгий на пути к озеру позволяет своему младшему товарищу самому принимать решения и действовать. Увлечённый азартом молодости Иван не сдерживается и подстреливает семью

глухарей. А потом, вечером, перед сном раскаивается в этом поступке из-за сострадания к беззащитным птицам.

— Я в твои годы, — говорит Ивану Георгий, — на природу смотрел ничуть не менее азартно, даже бездумно, чем сейчас смотришь ты. Сколько за многие годы настрелял всяких разных птиц, столько добыл всяких зверей, что, как ни старайся, и не пересчитать. И всё для того, чтобы прокормиться, быть сытым самому и семье... И совсем, дурак, не задумывался, что с каждым зверем, с каждой птицей, загубленными мной вроде бы для гуманных целей, я, между тем, всё больше и больше стал ощущать духовный голод, превращаясь, сам того не замечая, в обыкновенного первобытного человека... ”

В жизни русского крестьянства до сих пор таятся огромные нравственно-эстетические и духовные ценности. Иван Переверзин это прекрасно знает. Современных крестьян, живущих в деревне, невозможно провести на мякине ни политикам, ни философам, ни лжеписателям. Правду Божью и правду человеческую русский народ знал всегда и знает сейчас.

Мудрость Георгия не книжная, он постигает её через опыт, искусства жизни и соотносит с мудростью народной, которая онтологически присутствует в нём, как она присутствует в молодом, терзаемом страстями Иване, звуча голосом совести и правды народной.

— Охотиться, по крайней мере, я, — не буду, — говорит Георгий Ивану. — Мне всё меньше и меньше хочется убивать “братьев наших меньших”, а всё больше и больше хочется наблюдать за их непростой, очень сложной, я бы сказал, даже трагической жизнью, за которой наблюдать, которой любоваться — это как приходиться в церковь, где, возносясь душой к Богу, приближаешься к тайне жизни человеческой. И сюда, на Лебедино озеро, я прихожу — как бы сказать покороче?... Во! — нашёл нужные слова, — за отдохновением души! Прихожу почти всегда один, на два-три дня, но никакого одиночества не ощущаю. Кормлюсь исключительно дикоросами: ягодами, грибами, плаваю на лодке по озеру, как бы сливаюсь с птицами, с рыбами, становлюсь как бы ими. И у меня на душе становится так легко и солнечно, что возвращаться не хочется. А между прочим, куда возвращаться? В эту сумасшедшую круговерть, в которой люди порой ведут себя страшнее всякого дикого зверя! Вот мы сейчас с тобой здесь находимся для того, чтобы от общения с природой духовно зарядить свои мозги, свою душу... А в это же самое время, как ты думаешь, чем занимаются оставшиеся в стане члены бригады? Отвечу сам: вчера, сразу же после нашего ухода, достали бидон браги и, бьюсь об заклад, напившись до чёртиков, сквернословили — чёрта хвалили, а Бога ругали. А сегодня, с похмелья злые, как собаки, сидят за одним столом, но друг на друга даже не глядят, друг с другом не разговаривают, потому что вечернее пьяное веселье обернулось для них закономерным глубоким похмельем... Разве это жизнь? Это её позор! Пусть я сегодня слишком разговорился, но, может, рядом со мной ты ещё быстрее поймёшь, чем я, истинный смысл всей человеческой жизни. — Георгий замолчал, но всё время, пока он, можно сказать, изливал мне свою душу, я глядел на него удивлёнными глазами, словно передо мной стоял какой-то иной человек, прежде мне не знакомый. Трудяга по душе, кадровый охотник, которому, оказывается, важно не сколько он заработает денег на том или другом поприще, а важно, — ох, как важно! — иметь возможность любить, радоваться, восхищаться природной красотой и природным покоем, которые возносят его душу до небес. И там, в небесах, она то бескрылым звонкоголосым дроздом носится между кудрявых, озарённых золотым солнечным светом облаков, упиваясь свободой, то мощным, степенным, уверенным в своих силах орлом, расправив во всю ширь свои огромные, могучие крылья, величаво и грозно парит и парит высоко над грешным миром, осуждая и жалея его... ”

Завершает инициацию Ивана встреча с росмахой, которая трагическим образом могла оборвать жизнь молодого человека. Он, забыв о всякой осторожности, пошёл на собачий лай и увидел в кроне дерева загадочное тёмное пятно. Прицелился и выстрелил. Пуля точно попала в цель: “пятно, видать, пронзённое острой, парализующей болью, невольно расслабило мышцы — и спрыгнуло на землю! Сразу же завязалась схватка с собаками, — лай, рычание, визг слились в один сплошной рёв. Я сгоряча, оставив ружьё в ернике, с одной тозовкой в руках бросился к месту схватки, на ходу вгоняя в ствол очередной патрон. Вдруг, прорезая воздух, по моим ушам ударил дикий визг.

Мелькнула мысль: “Неужели моего Мухтара?!” Держа тозовку на вытянутых руках, я стал стволом раздвигать камыш, пока не уткнулся глазами в летящий на меня бешеный взгляд раненой росомахи, в ярости готовый вцепиться в горло! И может быть, ей удалось бы это, но знающий своё дело отчаянный Смелый мёртвой хваткой молодых острых зубов вцепился в зад опасного зверя! И тут я выстрелил. Пуля точно пробила голову росомахи – и она замертво упала на вмиг подкосившиеся передние лапы! “А где же Мухтар?!” – подумал я. Посмотрел вправо и увидел его. Он, с распоротым животом, недвижно, с вывалившимся из пасти сухим языком, лежал в метре от меня на прямом в схватке камыше. Забыв обо всём на свете, я кинулся к нему, схватив его за голову трясущимися руками. . .”

Природа, в которой присутствует правда Божия – “вся премудростию сотворил еси”, – словно мстит Ивану за его неосмотрительность и горячность – “от юности моя мнози борют мя страсти”. И здесь вспоминается “Царь-рыба” Виктора Астафьева и “Моби Дик” Германа Мелвила.

Шкуру росомахи, которая едва трагическим образом не оборвала жизнь Ивана, обменяли на две бутылки спирта у якута-телефониста в Какальре, чтобы спасти от жуткого похмелья всю бригаду, а особенно – одного молодого парня, пульс которого зашкаливал за двести ударов в минуту: “...он, с обильной испариной на лбу, ...прижимал руки к груди, словно боялся, что сердце не выдержит похмельной нагрузки – и может выскочить из грудной клетки! Мне за его жизнь стало страшно!”

По крайней мере, этот спирт спас жизнь неопытному молодому парню.

В простоте текста и образности речи открываются и онтологические глубины прозы Ивана Переверзина.

Близоруки те, кто думают, что телесным зрением ограничивается восприятие мира. Слово в человеке ищет в природе словесного (не говорим логического, ибо это понятие слишком схоластично), как отблески Вечного Слова; Дух ищет духовного; мудрость ищет мудрого. Сам Спаситель Своими притчами учит нас такому подходу к миру явлений. В Его притчах предметы, так сказать, самые прозаические приобретают иной смысл и открывают свою потаённую суть, вводят в мир иных реальностей. Тогда зерно, закваска, скисающая тесто, невод, соль, лоза и подобное открывают нам тайны, скрытые от телесного взора. За этими предметами внешнего мира видятся истинные их смыслы вечного бытия. От Спасителя этому научились святые отцы, проникавшие духом в тот мир, за прозрачную ткань чувственных явлений. Им мир этот представляется символически, словесно, духовно.

Человек – микрокосм. А это значит, что он есть средоточие и связь всех вещей и явлений, то есть ему дано быть соотносительным всеми миру, почему он и может познавать смысл всех вещей. Это, в свою очередь, предполагает понимание всего мира как гигантского органического целого, живущего своей всеединой жизнью. Люди в этом целом суть центры, соединительным звеном которых или, лучше, средоточием этой связи является слово в человеке как отображение Слова Небесного, Единого, Предвечного.

Святитель Григорий Богослов, упоминая в своём надгробном слове святителю Василию Его “Шестоднев”, говорит: “Тогда я беседую с Творцом и постигаю логосы творения”. Благодаря этим всаждённым в природу и во все сущее логосам и Сам божественный Логос связан со всем миром. “Не погрешит тот, кто скажет, что Сын именуется как соприсносущий всему сущему. Ибо что же держится не Словом?” Поэтому, “вникая в логосы тварей”, святитель Григорий замечательно описывает “весь этот мир, небо, землю, море, эту великую и преславную книгу Божию”, в которой открывается самим безмолвием проповедуемый Бог. Этот мир, гармоническое целое, покоящееся на любви и согласии, “мире с самим собою, не выступая из пределов своей природы, доколе в нём ни одно существо не восстаёт против другого и не разбивает тех уз любви, которыми всё связало Художническое Творческое Слово”. Мир, таким образом, свидетельствует о Творце этими вложенными причинами, говоря нам о Первопричине и этими смыслами, логосами свидетельствуя о Логосе.

Духовный реализм Ивана Переверзина основан на глубинных представлениях о жизни русского народа, в котором таились и таятся огромные нравственно-эстетические ценности. Я не берусь идеализировать ни старую, ни новую деревню, в ней было всё: и хорошее, и худое. Повальное пьянство, которое изображает писатель в повести, например. Но была и сила нравственного

идеала, добрые обычаи гостеприимства, сердечное, соборное участие в чужой беде и взаимопомощь. Была и есть сдержанность душевных связей с природой, с землёй, которые порождали и порождают народную философию; и художественность самого быта, которая выражалась, конечно, в искусстве постройки крестьянской избы и украшении её символическими предметами, связывающими человека с небом.

Всё это есть в замечательной повести “Росомаха” русского писателя Ивана Переверзина. Эта книга, на мой взгляд, войдёт в сокровищницу национальной литературы как образец выражения подлинной народной жизни с её устремлениями и идеалами, так необходимыми для осмысления современным человеком.

В литературных произведениях писателя Ивана Переверзина в художественной форме сформулированы духовно-нравственные ценности русского народа, всё ещё поразительным образом проявляемые в живой жизни. Это всё те же неизменные вековые идеалы, запечатлённые в лучших сочинениях великих русских писателей, – Толстого, Достоевского, Бунина, Лескова. Они выражались в определённых воззрениях, которые никогда не покидали живую душу народа: цель жизни – стремление к спасению души и обретение вожделенного Божьего Царства; понимание жизни как подготовки к жизни вечной, бессмертной, нетленной; через преображение личности, а через личность – в общем делании – и преображение всего народа.